

Просыпаться со слезами — это норма для нее. Особенно после всех тех кошмаров, что преследуют ее с момента смерти родных. Разные образы, что обвиняют ее во всем случившемся... но сейчас это был Ли, их первое знакомство.

«С чего бы вдруг?» — спросила у себя Киоши, растирая заспанные глаза. Режим сна сбит окончательно, она просыпается уже просто по привычке. Наконец Киоши ночью не вскакивала в ужасе, просто проверяла температуру Джана, которая больше не поднималась. Оказывается, целительство способно не только раны лечить, как ей казалось изначально! — «Хотя чего я удивляюсь? Вчера я была слишком в шоке от этого Зуко!»

Злость вновь закружилась в грудной клетке. Это не было чувство предательства, просто... немаг чувствовала себя круглой идиоткой, которую по щелчку облапошили. Однако ей не хотелось думать об этом так много, они в последний раз встретились, он ей помог, она его не убила. Квиты. Только Киоши огляделась в поисках ребенка, как в груди расцвел цветок ужаса, впившись в нее своими лепестками-крюками. Джанджи нигде не было: ни в постели, ни в комнате.

Паника попадала в ее кровь стремительно, распространяясь по всему телу через сосуды, становясь полноправной властительницей. Киоши пыталась отыскать младшего брата, но даже его одежды не было! Неужто он оделся и пошел куда-то без ее ведома?! Немаг, толком не одевшись и совсем не причесавшись, вылетает из храма, в котором можно легко заблудиться, после чего выходит к хозяевам лагеря.

— Никто не видел Джанджи? — спрашивает громко, но голос тонкий-тонкий от оголенных нервов. Ее и так искаженный голос из-за ожога нижней части лица еще сильнее изменился.

— Его тоже нет? — удивился Сокка, взглянув украдкой на новую знакомую, вновь невольно ужасаясь ее состоянием. И он не только про измученное от паршивой жизни лицо, но и от ожогов, которые вызывали у него фантомные боли. — Тоф тоже куда-то пропала, ничего не сказав.

Его ответ только ухудшил ее шаткое состояние. Почему такая странная пропажа с утра?! Тоф и Джанджи сейчас вместе? Если да, то зачем? Если нет, то как их искать?! Как она могла так безответственно подойти к их жизни в лагере в древних руинах?! Множество мыслей вертелось в голове, пока она пыталась судорожно успокоиться, чтобы начать поиски. Страх вызывал дрожь и парализовал, немагесса не могла даже дышать от спазмов, ощущая болезненные удары сердца о ребра.

Сокка заметил то, как дрожали кончики ее пальцев, как вся тетивой натянулась лохматая брюнетка. Даже ему как-то передалось это волнение, хотя до этого он был невероятно спокоен. Чего за Тоф бояться? Она гений земли, силач в юбке! это ее должны бояться! Но то, что пропал ребенок, его настораживало.

— Эй, все будет нормально! — подал голос южанин, желая хоть как-то снизить концентрацию ужаса в ее золотых глазах. Киоши слышит его не сразу, сейчас ее сознание рисовало жуткие

картины того, как она потеряла последнего дорогого человека. По собственной глупости!

— Мам! — радостный юный голос прошелся разрядом по позвоночнику брюнетки. Та резко обернулась, видя шагающего к ней ребенка с широкой улыбкой. Рядом с ним шел Аанг, не менее счастливый.

Киоши, с которой резко сошли все кандалы ужаса, бросилась к брату, подняв того на руки, целуя все лицо, вызывая звонкий смех, который словно исцелял ее панику, что окончательно вывелась из крови, забрав с собой спазм.

— Ах ты маленький древолаз! — тихо в шутливой форме воскликнула брюнетка, смотря на хохотуна, на которого хотелось и злиться, и умиляться. — Ты меня чуть белокурой не сделал!

— Белый — цвет духовности! — как бы невзначай произнес Аанг, вспоминая принцессу Юи, которую коснулось благословение духа луны.

— Там красивые тети! — сказал в восторге Джанджи, который совершенно отличался от того, что был вчера. Он вновь ярко улыбался, не было этого удручающего и болезненного вида. — Как он! — зеленоглазый указал на Аанга, заставив того смущенно улыбнуться.

— Какие тети? — с непониманием нахмурилась немаг, не понимая, о ком идет речь.

— Это статуи монахинь, — ответил уже Аватар, поймав взгляд девушки. — Я решил показать ему, поскольку Джанджи очень уж мои татуировки приглянулись.

Повелитель стихий с улыбкой вспоминал то, как Джан с обожанием разглядывал его тату, трогал, пытаясь содрать вместе с кожей, как какую-то красивую вещицу. Он делал это с таким невинным выражением лица!

— Если хотите, то могу и Вам показать! — неожиданно предложил кочевник. — Устрою экскурсию по храму, заодно и узнаете планировку.

— Спасибо за предложение, — улыбка из-за стянутой грубой кожи выходит неестественной и вымученной, однако по другому у нее просто не получается. — И давно ты с ним ушел?

— Джанджи довольно рано проснулся, — произнесла Катара, которая вышла к остальным ребятам. — Он сам оделся и решил погулять, а я заметила. Мы провели еще одну процедуру, но будить тебя я не решилась, у тебя был такой измученный вид.

— Понятно... — вздохнула с облегчением Киоши, вновь поблагодарив мага воды за то, что та помогает ей. Это действительно сейчас необходимо девушке, которая потеряла много нервов из-за вынужденного путешествия-бегства. — Значит, нужно искать только Тоф?

Но ответить ей не успели, поскольку раздался грохот, заставивший всех испуганно устремиться на него. Киоши прижала испуганного Джанджи к себе, не зная, стоит ли идти на звук. Вдруг это какой-то бандит и маг земли? В первую очередь нужно думать о безопасности, потому что без нее мальчик не выживет, однако когда она услышала имя Тоф, то решила подойти.

Слепая ползла, используя лишь руки. Ее сильные пальцы оставляли борозды на камне, как на мокром песке. Ее друзья начали с беспокойством спрашивать, где она была и кто на нее напал. Когда она сказала, что опалила свои ноги, то Киоши сразу подумала о Зуко, который жил недалеко. И не только она...

— Ты зачем к нему ходила?! — изумился Аанг, испугавшись за подругу. Неужто Зуко врал о том, как хочет им помогать, когда приходил на поклон? Как он только мог причинить боль его друзьям?!

— Ну... я думала, он будет полезен, — шмыгнула носом слепая, когда Катара начала лечить свежие ожоги. — Договориться, или сделать пленным на худой конец! Тебе ведь нужен учитель огня!

— И он напал? — спросила хмурая Катара, в груди которой рождалось пламя гнева. Правильно, что они его прогнали взащей! Таким нельзя доверять! Ей хотелось разорвать на месте этого уродца!

— Ну... нападал... и не нападал, — туманно ответила магесса, вызвав вопросы у всех.

— А как такое может быть? — нахмурился Аанг, чувствуя вину перед шифу земли.

— Это был несчастный случай, — пробубнила Тоф, все еще чувствуя боль в пятках. Ей было неприятно вновь стать реально слепой. Она чудом приползла в лагерь. — Он спал и, вроде, не ожидал гостей. Это самооборона была.

— Но он все равно использовал магию огня! — воскликнула маг воды, заставив Тоф неохотно согласиться. Ей хотелось как лучше...

— Видишь? Нельзя доверять Зуко! — причитал Сокка, на что младшая гаркнула, что и без него все прекрасно знает.

— А кто такой Зуко? — решила соорудить дурочку Киоши. Хотя, если задуматься, она не знает ничего об этом парне, так что лишним не будет послушать рассказы группы Аватара.

Друзья Аанга много интересного поведали ей о злоключениях принца-изгнанника, то, с каким рвением он гнался за ними с самого пробуждения кочевника из айсберга, как портил им жизнь своим жалким и приставучим существованием. Но самое интересное было то, как прошла их

последняя встреча, когда он бесстрашно и самодовольно заявился к ним, говоря, что собирается помочь Аангу победить Озая. Странно все это как-то. Почему он так резко изменил свое мнение? Что побудило его это сделать?

Но толком подумать не дал очередной грохот, который был в разы сильнее предыдущего. Земля под ногами буквально задрожала, начали падать куски зданий, перепугав детей.

— Что происходит?! — воскликнул Сокка, накрывая сестру, что села на корточки.

— Это еще кто такой?! — в ужасе вскрикнула Киоши, видя на противоположном мускулистого лысого мужчину с татуировкой красного третьего глаза на лбу, из которого он выпускал невидимую энергию, что и заставляла все вокруг взрываться.

— Опять этот огнеплюй! — оскалился Сокка под удивленный взгляд немагессы. — И здесь нас достал!

Команда хотела перебраться на более безопасное место, чтобы атаковать бандита, но они увидели Зуко, который напал на взрывателя, мешая тому прицелиться, тем самым давая знакомым фору. Киоши схватила плачущего брата и прижала к себе, не зная, куда бежать, чтобы оказаться в безопасности. Бежать внутрь храма было глупо, ведь этот взрывной человек разрушал старые постройки, но и к Аппе не добраться, ведь нужно было бежать по линии огня.

Очередной взрыв, ударная волна, которая сотрясла высеченную в камне платформу. Страх, окутавший сознание немага, парализовывал. Киоши невольно вновь переживала тот кошмар, что устроили солдаты-вандалы Огня. Смешались людские крики и звуки разрушения, пламя от пожаров эфемерно подпалило кожу, а запах гари уничтожал на генетическом уровне. Ей снова стало так страшно, что хотелось забиться в угол и рыдать, однако истерика Джанджи не позволяла быть слабой. Хотя бы ради него нужно собрать себя в кучу.

— Бежим за мной! — воскликнул Сокка, чужой голос был не слышен на фоне всего хаоса. Только его крепкая хватка привела в чувство, да и чтение по губам помогло разобраться в том, что он от нее хочет. — Они маги, сами справятся! — отмахнулся он на команду, которая насылала на бритого мужчину стихийные атаки, от которых Киоши бросало в дрожь.

— Я приказываю тебе остановиться! — кричал Зуко, нападая на незнакомца, который ловко избегал и его атак. Когда парень совсем ему надоел, что человек нанес огненный взрыв.

— Ли! — взвизгнула брюнетка по старой памяти, забеспокоившись за парня, который мог лишиться жизни, если бы не нейтрализовал уничтожающее пламя собственным огнем, однако ударная волна снесла одноглазого с платформы.

Шатен, все еще находясь в каком-то контуженном состоянии выпускает из конечностей пламя, чтобы схватиться за выступ и подняться вновь. На него вновь не напали только благодаря команде Аватара, которая накрыла бандита цунами разномастных атак.

Взрывной незнакомец снова промахивается по ловкому Аангу, попадая в постройку, что откололась от основы и полетела прямо на троицу немагов, что пыталась убежать на безопасное расстояние. Киоши без задней мысли хотела отбежать, но ее больно хватает за плечо Сокка, резко дернув в противоположную сторону.

Кусок здания падает с грохотом, совсем как сердце Киоши, что закрыла Джана собой, в желудок. Основанная платформа, на которой как раз все и находились, дала пугающе глубокие трещины, однако Тоф и подоспевший Хару залатали их.

— Если ты остановишься, то я заплачу вдвойне! — рявкнул Зуко, заставив своего наемника остановиться и повернуться к разъяренному заказчику. Маг огня почувствовал победу, потому что этот убийца успокоился. Нужно было с самого начала так сделать!

Но церемониться с ним не собиралась Катара, которой на волне помог подняться Аанг и которая запустила в урода дробь ледяных игл, что наспиговали его тело, как какую-то швейную подушку. Наемник с криком упал на ноги, кряхтя и слезно скулит. Больно было даже дышать, не то, что шевелиться. Из ран толчками текла кровь, пока сердце еще стучало, однако вскоре и этого не стало, потому что длинные иглы с крючками задели жизненно важные органы.

Магесса воды ступила на платформу, где стоял побледневший Зуко, что сразу поднял руки в знак мира и пятился назад. Он был напуган горящими ненавистью озера этой девицы. Одноглазый ее не узнавал, и был прав, ведь больше нет той добросердечной Катары, что когда-то решила ему помочь, потратив единственный кулон из священного Оазиса Северного полюса. Потратить на него, первого предателя! Какая же она была дура! А если бы тогда Аанг не успел ее остановить?! Он был бы мертв от молнии Азулы! Она больше не совершит ошибку вновь!

Девушка скидывает теплый труп — или он был еще полуживым — прямым в бездну, где всем солдатам огня самое место! Она растапливает иглы и создает новые, что парили по приказу ее гибких рук. Родниковая вода смешалась с разгоряченной кровью, демонстрируя жестокость целительницы.

— Катара, остановись! — воскликнул Аанг, желая достучаться до подруги. Ее руки напряглись, заставив иглы угрожающе застыть, так и не поразив испуганную цель. Ей было мало страха на кончике языка, нужно было что-то больше, чтобы этот подлец прочувствовал все свои грехи на себе! — Он нам помог!

— Помог?! — рявкнула шатенка, поворачиваясь к монаху, что в несколько воздушных прыжках оказался между парочкой. — Это именно он подослал этого наемника, чтобы он нас убил! — она указала на Зуко, так и не опустив оружие.

— Это все равно не отменяет того факта, что сейчас он пытался его остановить, пусть и своим способом, — пытался остановить ее кочевник. — Пожалуйста, опусти иглы, — просит юнец, видя ярость на ее миловидном лице.

Катара, морщась в презрении и недовольстве, неохотно выполняет просьбу, из-за чего ледяное оружие падает на замшелый камень водной массой, брызгаясь во все стороны.

— Спасибо, — благодарно улыбнулся Аанг. — Давайте к остальным, там разберемся, — произнес он, кратко взглянув на Зуко.

Мастер воздуха подхватил подругу на руки и также аккуратно спустился. Изгнанник же прыгнул на основную платформу, используя огневую тягу. Вся команда собралась, чтобы обсудить все случившееся. Все внимание было на Зуко, который чувствовал себя еще более виноватым, чем в прошлый раз, когда заявился команде без предупреждения на неожиданное перемирие. Когда парень поднимает взгляд на Киоши, та отворачивается, словно незнакома с ним, продолжая покачиваться из стороны в сторону, чтобы успокоить ребенка.

— Не думал, что скажу это после всего, но спасибо тебе, Зуко, — первым начал Аватар, смотря на Синюю Маску.

— Я знаю, что причинил вам слишком много непростительного вреда, — начал свой монолог маг огня. — Я хватался за свое прошлое, счастливое, но темное, хотел вернуть себе честь, избавиться от бельма-паразита, — все поняли, что речь идет о его шраме. Киоши старалась не задерживать взгляд на его лице, чтобы не встретиться глазами. Нельзя допустить, чтобы хоть кто-то в команде знал, что она с ним знакома. — Я был долгое время слеп, я гонялся за тобой, потому что хотел вернуть то, что навсегда потеряно.

— Тогда что тебе мешает это сделать сейчас, м? — скрестила руки хмурая магесса воды. Она уже не верила ни одному его слову. Скорее всего очередная уловка! — Прибежишь к своему папочке и будешь ему также ноги целовать, как раньше!

— Катара... — удивился Аанг, отчего девушка стыдливо опустила взгляд. Ей было тяжело просто находиться рядом с этим мерзавцем! Она бесновалась!

— Но я понял, что не это мне нужно, — болезненно изломал брови маг, продолжив. Он стерпит, потому что заслужил. — Мой отец никогда меня не примет обратно. Я ему изначально был не нужен, я его позор, и от меня он просто избавился. Я хочу помочь тебе, Аанг, свергнуть его. Я могу быть не только твоим учителем магии огня, но и информатором. Расскажу о слабостях Озая, о секретах огня, где секретные ходы, какая боевая мощь и прочее, что поможет вам победить в этой войне.

— А ты складно поешь! — ухмыльнулась Тоф, что сидела на воздвигнутом камне, все еще слепая от ожогов.

— Прости меня, Тоф, — виновато поклонился одноглазый, обращаясь к магессе. — То, что произошло тогда, было лишь случайностью. Я не ожидал тебя.

— Да ничего, у меня еще будет время тебе накостылять, — заулыбалась бунтарка, ударив

кулаком в ладонь.

— Впредь я буду контролировать свою магию, — Зуко смотрит на Аанга, с которым у него было что-то иное, но не вражда, не истинная ее суть. Они спасали друг друга пугающее множество раз для настоящих врагов. — Ты сам когда-то говорил, что мы могли бы стать друзьями.

— Когда такое было? — удивлённо раскрыл глаза Сокка, взглянув на друга, но тот мотнул головой, мол, не сейчас.

— Думаю, тебе все-таки придется стать моим учителем, — с тяжестью выбора выдохнул Аанг, понимая, что другого способа нет. Пусть комета еще не так близка, но искать других мастеров просто нет. Только если брать кого-то в плен. — Ты прав, что нужно контролировать эту живую энергию. Однажды я ранил Катару, после чего не захотел пользоваться этой разрушающей стихией. Я вижу, как ты теперь понимаешь, что можешь навредить близким. Ты этого боишься, значит, ты изменился. Я хочу, чтобы ты стал моим учителем, Зуко.

Аанг поклонился, сцепив руки в виде пламени. Предатель, посветлев, сделал аналогичный жест. Киоши, что наблюдала за этим, чувствовала себя лишней. Она практически ничего не знает о приключениях команды, что длились больше года со дня освобождения Аватара из айсберга. Ей рассказали только маленькую долю всех тех событий. И из диалога она только лишний раз убедилась, что этот Зуко пришел к ней в дом, чтобы перекантоваться, дабы потом побежать за Аватаром.

— Сокка, спасибо за спасение, — подала голос немаг, обращаясь к воднику.

— Всегда пожалуйста, — отсалютовал юноша, после чего его добродушное выражение лица резко поменялось на подозрительное. — Только у меня вопрос. Ты знакома с Зуко?

Маг огня с брюнеткой одновременно напряглись, однако этого никто не заметил.

— Но ты его назвала «Ли», — как-то подытожил немаг, и внимание всей группы обратилось на ее нового члена.

— Как сказать... — сглотнула девица, судорожно придумывая то, что следует сказать. Она неспешно перевела взгляд на виновника ее спокойной жизни. Если она им сейчас все расскажет, то его скорее всего выгонят... вместе с ней и Джаном, которому сейчас необходима медицинская помощь. — И да, и нет, ведь я знала его только как Ли, что пришел в мой дом и спас мою семью от бандитов. И он ушел как-то на рассвете, после чего мы не виделись.

— Тоф? — спросил у подруги Сокка, которая подтвердила, что это правда. — Выходит, наш дружок даже в Земле старался быть добрячком. Ладно, пошли, тебе нужно еще... место приготовить.

Сокка странно себя почувствовал, когда говорил эту фразу. Он никак не думал, что когда-нибудь случится подобное безумие, что сам огнеплой будет на их стороне и они будут как подружки ворковать. Он отвел парня в отдельную комнату, подальше от всех, оба находились в своих мыслях.

— Кажется, мы пришли, — подал первым голос Зуко, выведя немага из транса. Подняв голову, голубоглазый понимает, что они действительно пришли.

— Ну... вроде да, — сглотнул немаг, после чего опять возникло неловкое молчание. Зуко начал раскладывать свои малочисленные вещи. — Ну, так... скоро обед, так что можешь прийти, я думаю...

— Да, я так и сделаю, — кивнул в благодарность одноглазый, отчего первенца Хакоды передернуло. Как бы раньше они друг другу хотели начистить хлебальники при первой возможности, а тут нужно быть не только вежливым, но и дружелюбным.

— Ты не волнуйся... насчет Тоф, — почесывал затылок Воин Воды, чей голос скакал в тональности с громкой на тихую и наоборот. — Катара ее быстро подлатает.

— Я рад, — как бы подытоживал диалог маг огня, однако собеседник все никак не мог оставить его наедине с мыслями. — А... как у тебя дела?

— Учитывая то, что меня чуть не убило арматурой, и то, что ты неожиданно стал добреньким, достаточно сносно, — подметил Сокка, оглядев комнату, чтобы модно было за что-то зацепиться и не буравить взглядом нового... члена команды. — А ты... правда знаком с Киоши?

— Это толком знакомством не назвать, — пожал плечами говорящий. Он понял, что ей не нужно, чтобы кто-то узнал об их связи, поэтому не подведет. — Ее семья нуждалась в помощи, я не мог стоять в стороне. Они меня приютили на какое-то время, чтобы раны зажили, и я ушел. На этом все.

— Интересно, — кивнул Сокка, чувствуя, что эта неловкость скоро его задушит. — Ладно, я пошел. Ты... это... удачи.

— Взаимно, — натянул блеклую улыбку Зуко, отчего у Сокки побежали пугливо-настороженные мурашки. Такого огневика он никогда не видел. Обычно Зуко брызжал злобой и скалился зверем.

Оставшись в одиночестве, парень плюхается на каменную постель, которую накрыл покрывалом. Он чувствовал себя энергетически выжатым, хотелось просто тишины. Мысли-рой копошились в голове одна тоскливее другой. Предатель Огня ложиться и разглядывает высокие потолки полуразрушенного храма, который когда-то бомбил его прадед.

Когда-то отсюда все началось, его пусть изгнанника, здесь же и закончится? Он оставил здесь,

в Западном Храме, свое сердце и душу, вырвав их с самым корнем, чтобы осталась зияющая дыра, словно в груди взорвалась петарда. Растоптал в кровавое месиво, чтобы даже не было возможности вернуться к прошлому себе, непозволительно-доброму и унижительно-слабому. Осатанел от горя и собственных ошибок.

Дядя бы гордился его поступком. Наконец он стал вершить свою судьбу, а не надеется, что она сама как-то построится. Тяжелое решение, к принятию которого он шел слишком долго. Ранее его смысл жизни было вручить Аватара отцу, чтобы тот вернул ему даже не титул, нет, он хотел вернуть свою распавшуюся семью. Распавшуюся из-за него. Собрать по кусочкам хоть во что-то целое, но нет... это невозможно. Ведь двое из этих людей мертвы, а другие двое его ненавидят. Пальцы невольно касаются шрама.

— Думаешь, все купились? — раздался женский голос. Поднявшись, Зуко встречается с рассерженной Катарой. Смотря на нее, он вспоминал то чудовище, что видел пару мгновений ранее. — Не надейся, если бы был другой человек, то тебя бы и близко не подпустили к Аангу, — она подходит к юноше грозовой тучей, отчего парень чувствует напряжение. — Мы оба знаем, как ты в такой же марене плакался. Помнишь Ба Синг Се? — Зуко сглатывает, зная, что лучше в таком положении молчать. — Точно знаешь, не посмел бы забыть, как и я! И если ты дашь мне повод хоть как-то уличить тебя во лжи в отношении Аанга, то я оборву твою жалкую судьбу в ту же секунду!

После этих слов Катары покидает комнату Зуко, удержав себя от едкого комментария. Маг огня выдохнул, когда вновь оказался в спасительном одиночестве. Собственно, он ничего другого не ожидал от этой девицы.

— Я не во время, да? — постучала костяшкой пальца по камню Киоши, заглянув в комнату.

— И давно? — изогнул он здоровую бровь.

— Начиная с плакства в Ба Синг Се, — виновато натянула улыбку брюнетка, заходя в комнату. Шатен прячет лицо в ладонях и глубоко вдыхает разгоряченный от собственных чувств воздух. — Чтобы между вами не произошло, я всегда за Катару.

— Я и не сомневался, — кивает маг. — Тогда я ей раскрыл душу, но...

— Нет, я даже знать не желаю, — достаточно резко обрезала шрамолика. В ее голове столько информации за раз просто не уляжется, иначе мозги расплавятся. — Это точно не мое дело.

— Тогда ты пришла, чтобы тоже «свершить мне судьбу»? — бесстрастно предположил Зуко. он уже привык получать нагоняй от разных женщин.

— Отнюдь, с этим прекрасно справится Катары, у нее больше поводов ненависти к тебе, — парировала брюнетка. — Я лишь помогу.

— Вижу, вы прям сдружились, — подметил юноша, смотря на старую знакомую. Пусть он и обещал, что они больше не встретятся, но он откровенно лгал.

— А как же, она лечит Джанджи, — ухмыльнулась девица, чувствуя себя защищенной в команде, хотя она была зла на этого предателя. — Ах, да, вспомнила, зачем пришла. Я хотела высказать свое негодование, что из-за тебя мог погибнуть мой сын! — на последней фразе ее голос изменился до неузнаваемости, а золотые радужки загорелись звездами Ареса.

— Сын? — изогнул бровь Зуко, прекрасно зная, что Дан ей никакой не сын.

— Он меня уже мамой зовет, так что сын, — объясняет старшая, видя в своем брате единственную отдушину. Он ее единственная семья, тот мачок в этом смрадном безумии потерянности, в котором она вот-вот безвозмездно утонет, оседая вздувшимся трупом на дне. Он то единственное, что заставляет ее грести вперед, к далекому берегу-миражу.

— Что же тогда произошло? — все-таки повторяет свой вопрос Зуко, смотря с сожалением на знакомую. — Явно ведь что-то нехорошее.

— А метод дедукции для тебя невозможен? — едко парировала брюнетка, которой слишком больно вспоминать, переживая все заново. — Логическую цепочку выстрой!

— Мне действительно жаль, — печаль так и сквозит в его голосе. Лживая и лицемерная!

— Жалость не вернет их к жизни, — хмуриться немагесса, стараясь не думать об этом много, чтобы не заплакать.

— В команде ты найдешь новый смысл жизни, я уверен, — все еще попытался поддержать Киоши изгнанник, ведь обнимать просто побоялся.

— Она принесет мне проблемы, — отрезает гражданка Земли. — Я не хочу участвовать напрямую в этой войне. Что могу сделать я, простой немаг да и еще с прицепом в виде младенца? Это не мое дело. Как только Джану станет лучше, я покину это место.

— И куда ты пойдешь?

— Уж тебе это точно не расскажу, — ядовито отвечает старшая, бросив на собеседника презрительный взгляд. Тот понимающе кивает, опустив голову.

— Не знал, что ты такая хорошая врунья. Почему ты им рассказала только про Ли? — решил сменить тему младший.

— А ты думал, что я расскажу людям, которые тебя ненавидят, что знаю кто ты такой? —

скрещивает руки немагесса. — Я не настолько глупа. Они бы меня прогнали вместе с тобой. Да и я им не соврала. Я сказала правду. Часть правды.

— Но зачем?

— Даже не думай, что я тебе даю шанс, — парирует брюнетка, после чего удаляется.

Зуко, вновь словесно побитый, ложиться на твердую кровать и продолжает размышлять. Пусть его команда и приняла, это больше походило на своеобразную каторгу. Но сворачивать с пути уже нельзя. Хотя бы ради Нее нужно постараться дойти до победного конца, отомстить отцу, из-за которого Она умерла с позором.

К обеду все спустились, бурно обсуждая с остальными, что произошло.

— Жаль, что тушка того убийцы упала в пропасть, — подал голос Сокка. — Так бы обед хоть мясной был!

— Сокка, ты совсем?! — возмутилась его сестра, нахмурившись в негодовании. — Это же табу Юга!

— На войне все средства хороши, — подхватила его мысль Киоши, отпив супа из пиалы. Она обратила на свою персону удивленные взоры. — Я многое видела, пока с Джаном бежала.

Виснет неловкое молчание, которое нарушает Катара.

— Так ты расскажешь, почему решил остепениться? — с издевкой спрашивает смуглянка. — Может, расскажешь Киоши о том, как ты напал на нас под Ба Синг Се, объединившись со своей психованной сестрой?!

— Катара! — вновь попросил успокоиться свою подругу маг всех стихий, и та опять через силу подчиняется, сжимая челюсть.

— Я что сейчас, что тогда выбрал одну и ту же сторону, — спокойно и даже затравленно ответил Зуко, смотря на Катару. — Из-за ошибки я потерял дорогого для себя человека и никогда себя прощу за это.

— В смысле и там, и там ты выбрал одну сторону? — удивилась Киоши.

— А, ты про свою свою сестру! — щелкнул пальцами Сокка, вспомнив часть диалога в кристальных катакомбах. — Мертвая которая!

— Не смей так говорить о ней! — зарычал маг, услышав надменно-издевательские нотки в голосе этого плебея. Да как он только посмел так говорить о ней?! Портить светлую память! Он помнил истинную причину, почему в самый последний момент решил предать свое внутреннее чутье и послушать младшую сестру в катакомбах, хотя он уже хотел тогда пойти с командой Аанга.

— Решайся, брат, — говорит она, видя спектр нерешительности на лице Зуко. Он не знал, кого слушать: дядю или Азулу. — Неужели ты бросишь все, что тебе так дорого? Неужели наша сестра умерла зря? — при упоминании одного из самых дорогих людей, Зуко почти видимо вздрагивает, сердце замирает, а душу будто выворачивают наизнанку и поливают кислотой.

В голове всплывают столь яркие образы из прошлого, где Мудрецы отпевают лучший путь в мире духов для наследницы, где белый — похоронный, где в ушах звенит от острой боли. Он стоит, не чувствуя почвы под собой, а перед глазами лишь одно — гроб, где находится его стремление и желание к жизни, где сокрыты краски и радости, где спрятан навечно тот, кем был Зуко.

Когда подожгли его старшую сестру, принц чувствовал, как сгорает изнутри, как скоро он взорвется вторым солнцем, умерев без права возрождения. В голове тяжелый туман, он только чудом не упал на колени и не зарыдал навзрыд, уничтожая связки и легкие. Его тошнило и невыносимо мутило, поскольку перед глазами была сестра, живая и сильная, а теперь она заточена в роскошный гроб и поглощена собственной стихией.

Когда маленький Зуко вернулся в свою комнату, он чувствовал настоящую вьюгу и черную дыру в животе. Каждый закуток дворца напоминал о сестре, ее жизни и смерти. Он упал, так и не дойдя до кровати, из него ушла жизнь, оставив прах и уголь. Осознание того, что Зуко больше не услышит сестру, что он виновен в ее смерти, он плохо молился за ее победу... столько всего навалилось разом, что слезы бесконтрольно текли из глаз, а в горле дрожали невысказанные слова о любви, извинения за сказанные ранее слова, мысли, а также крик, который уже никогда не вернет важного человека. Она перед глазами, на рядом, ее образ и голос, ее касания и забота, вот только в другом измерении. Зуко навсегда раскололся.

— Это наш шанс сделать ее смерть бесполезной! — ее слова были силой, были праведной целью. И Зуко внимал, но бездействовал, однако Азула уже знала, что он выбрал. — Она погибла из-за ошибки, так пусть это станет сокрушительной победой, триумфом нашей державы! — девушка играла на нем, как на инструменте. Даже Айро с поражением замолчал, опустив голову и болезненно зажмурившись. Для него это тоже не менее болезненно, старик понимал, что сейчас выберет племянник. — Она погибла ради твоей жизни, так сделай ее достойной хотя бы сейчас!

И Зуко со всей яростью стреляет во врагов — в Аватара и его шайку. Как он мог сомневаться? Как мог предать ту, которая отдала всю себя ради него? Заколело в области шрама — напоминание о жалком существовании после нее. Его любимая сестра должна жить в сердцах, должна процветать в победах своей семьи, потому что ради нее она отдала слишком высокую

плату.

— И как ее звали? — спрашивает Сокка, так и не получив ничего о задумчивого мага огня.

— Не твое дело! — рявкнул Зуко, встав и удалившись из группы под общее непонимание.

— Ты взбудоражил его сознание, — хлебнула из чашки Тоф, чьи пятки уже частично восстановлены. — Причем достаточно неприятными воспоминаниями.

Киоши была поражена способностями слепой девочки, которая все больше ее поражала. Ощущать тончайшие изменения в теле с помощью вибраций! Не зря она обучает Аанга!

— Ну извините, не знал, что у него такая тонкая душевная организация! — пожал плечами немаг.

— Сокка, это было грубо, — нахмурился Аанг, осадив друга. Ему определенно не нравилось то, какая вакханалия происходила в группе. — А если бы он так над твоей мамой потешался?

Первенец вождя Юга решил тактически отмолчаться, Аватар понял это молчание как молчаливое понимание. Он начал философствовать о том, что Зуко совершил поступок, который мог повторить каждый из них, если бы оказался в такой ситуации. Обед оказался уже безвкусным для большинства.

После него Катара окончательно вылечила Тоф и с победой пришла к Киоши... и не только с ней.

— Видишь? Главное в целительстве — время! — улыбнулась смуглянка.

— Это верно, — соглашается немаг, смотря на то, как брат играет со своими игрушками, которые она купила в путешествии за новой жизнью.

— Я к тому... может, попробуем еще раз? — неловко сцепила пальцы шатенка, опустив взгляд. Ей было слегка стыдно просить об этом снова, нажимая на большую мозоль по поводу внешности изуродованной девушки.

— Все еще теплиться надежда, да? — невесело натянула блеклую улыбку старшая, поняв каждый намек, из-за чего Катара поспешила извиниться. — Ладно, давай. Все равно терять нечего. А вдруг что-то да выйдет, — поднялась со своего места высокая, размявшись. На ее

слова магесса счастливо улыбнулась.

Они прошли в свободное помещение, в котором Тоф создала резервуар и рабочую поверхность. Киоши начала раздеваться до белья по просьбе целителя. Ей не было неловко даже после того, как встречает вымученно-сочувствующий взгляд голубых радужек.

Ее тело было уничтожено ожогами высоких степеней: живот, бока, грудь, плечи, даже бедра. Нападавший будто не жалел силы, хотел сжечь заживо, чтобы жертва медленно подвергалась пыткам. Больше всего пострадали шея, ключицы, лицо и рука, которая явно в момент нападения успела закрыть глаза. Что за чудовище могло так поступить с прекрасной девушкой?

— Много сеансов придется сделать, да? — ухмыльнулась немагесса, чтобы разбавить неуютную атмосферу.

— Все получится, — мотает головой южанка, смотря на пациентку, что легла на укрытую поверхность. — Я помогу тебе и Джанджи!

— Спасибо. Мило с твоей стороны, — вздохнула Киоши.

— А теперь закрой глаза, сконцентрируйся на своих ощущениях, — попросила Катара, собирая воду магией. Жидкость обволокла женские ладони с длинными пальцами, а после стала неторопливо вращаться вокруг них. Голос девушки был плавный, почти гипнотизирующий. Его хотелось беспрекословно слушать, он успокаивал.

Киоши кратко кивнула, закрыв глаза. Ей было слегка некомфортно в таком положении, когда над ней хотели колдовать каким-то непонятным целительством, работу которого бледнокожая так и не разобрала в должной мере. Она толком не видела целительство в действии, так что понятия не имеет, как будет это ощущать. Было чуточку страшно. Но ласковая Катара успокаивает.

Если честно, то Киоши не верила, что у Катары хоть что-то получится, но... что она теряет? Даже если из этого ничего не выйдет, то хотя бы есть галочка, что пытались. Главное, чтобы она ее брату помогла. Мысли вновь и вновь возвращаются к Зуко, к его выбору в этих катакомбах.

Конечно, брюнетка понимала всю боль и страдания парня, который потерял важного и любимого члена семьи, но у всего есть предел. Его становится жалко, и девушка старается прогнать это чувство, которое ей совсем недавно пришлось пережить. Парень явно закрылся в себе после смерти сестры, в которой винит исключительно себя. Но что тогда произошло?

— Киоши, расслабься, — мысленно вздрогнула девушка из Царства Земли от голоса и ощущения холодной воды на голой коже. Как-то слишком неожиданно получилось. — Ты слишком напряжена, сеанс может не сработать, — объяснила Катара, вода

сконцентрированной в подобие сферы жидкостью по старым ожогам третьей степени. — Представь, что существуешь только ты и твои мысли, больше никого нет рядом с тобой. Сосредоточься на ощущениях, пожалуйста.

Желтоглазая последовала совету мага и расслабилась, глубоко вдохнув и постепенно выдохнув. Ее кончики пальцев невольно похолодели. Она инстинктивно сглотнула легкое напряжение, когда речь зашла об одиночестве. Конечно, Киоши понимала, что все это нужно лишь для своеобразного ритуала, чтобы очиститься от мирских забот и других проблем, но быть одной во вселенной хуже простого одиночества. Ей не хочется ощущать это болезненное чувство на себе, особенно после недавних событий...

Девушка слабо мотает головой, отгоняя странные мысли. Что за детский сад, в конце-то концов? Нельзя ко всему относиться настолько серьезно. Нужно просто сконцентрироваться на чем-то другом, иначе эта специфическая компашка, в особенности изгнанный принц, не отстанет.

Ощущения были... абсурдными, если можно так выразиться. Вроде бы ее окутывает обычная вода, но также не покидает чувство, что эта жидкость постоянно монотонно двигается, эфемерно проникает под кожу и циркулирует рядом с капиллярами и венами.

Возможно, сейчас Киоши просто все кажется, ведь маг воды просто мог сыграть на мнительности и уверить девушку в магии ци и запертых чакрах на подсознательном уровне. Ведь маловероятно, что вода без грамма лекарств сможет реабилитировать состояние внутренних покровов кожи, тем самым уничтожив некие блоки и нормализовав гармонию тела.

— Если будет больно, то немедленно скажи об этом, — снова подала голос Катара, начав сеанс по восстановлению утерянной памяти.

«Почему это мне должно быть больно?» — спросила про себя шатенка, действительно не понимая, что может сделать с ней простая водная процедура. — «Не будут же меня протыкать льдом, как при иглоукалывании, так ведь?» — кареглазая слабо фыркнула глупым мыслям.

Киоши хотела кивнуть или как-то дать понять, что ей все ясно, но... эти плавные движения, эта необходимая прохлада в знойный день... девушка будто где-то на чистом берегу океана. У нее нет забот, нет проблем, нет паники и страха из-за неизвестного будущего. Ее не мучают частные бессонницы, в мире нет войны, все спокойно, как при штиле. Эта безмятежность бессознательно вселяет в израненную войной душу забытую веру в лучшее, без привычного послевкусия отчаянья.

Пациентка охотно расслабляется, начинает чувствовать какую-то непередаваемую легкость, словно она находится где-то в облаке — таком же прохладном и еле осязаемом. В него хотелось погрузиться и больше никогда не просыпаться, поскольку в реальном мире нужно выживать каждый день и час, чтобы быть хоть чуточку счастливым, лишь на мгновение.

Счастье... как давно Киоши была счастлива без злосчастного «но»? Просто счастлива без предрассудков, подпунктов и подводных камней? Казалось, с того момента прошла целая жизнь.

Жизнь, которую уже никогда не вернуть.

И эта невозвратимость отвратительна. Она хуже любого яда, поскольку панацея от нее есть только во времени и... в амнезии. Киоши должна сама спасти себя от этой виртуозной пытки, которая изнутри сковала тело тончайшими — совсем невидимыми — нитями. Они впились в кожу, оставляют кровоточащие раны и медленно разрывают плоть. Порвать их невозможно, создаться ощущение, что эти нити сотканы из прочного материала, сродни какой-то металл.

Чем больше девушка пытается выпутаться, разорвать вредоносную преграду, освободиться от мучительных оков, тем плотнее лески вьдаются в нежное мясо и искусно режут нервные окончания до звезд в глазах. Ее тело вытягивается струной, дабы снизить боль от разорванной кожи. Расслабиться и просто плыть по течению не представляется возможным.

И Киоши знает, что нужно просто отпустить, не брыкаться, не истязать себя, чтобы не было больнее. Она знает, что нити исчезнут, если забыть и просто смириться, но каждый раз не может выкинуть этот смертоносный балласт со своих плеч. Он будто сросся вместе с хозяйкой тела, постепенно поглощая ее.

А ведь этот груз тянет на дно, топит в собственных горьких мыслях и клокочущей ненависти, которая бешеным зверем дремлет на глубине. Если его только тронуть или дать хоть малейший шанс на побег из заточения, то этот пульсирующий сгусток начнет буйствовать, дико рычать, яростно биться о стенки своего сосуда-тюрьмы, разбивать ребра в мелкую крошку, протыкать обломками мягкие ткани органов до внутреннего кровотечения и болезненно-булькающей хрипоты.

Снова обуздать это чудовище не получится, за время заточения оно набрало сил и обрело нечеловеческую ловкость. Монстр не собирается снова сидеть на привязи, распятый раскаленными цепями. Жалость и какое-то сочувствие ему чуждо, но Киоши научилась держать себя под контролем. Эта сущность никогда не выберется наружу, не оскалиться на свою хозяйку и не причинит вреда. Девушка наловчилась с этим бороться.

Этот балласт больше, чем просто какая-то боль или непосильная ноша. Это все ее прошлое, вся ее жизнь и пережитые эмоции. Это ее личность, ее суть, как она может вычеркнуть то, что когда-то было действительностью? Она просто не смеет лишиться этого опыта по собственной воле, слишком это невыносимо.

Поэтому Киоши научилась существовать со всем этим ворохом мироощущений. Она утопила всю печаль, закрыта эти бушующие ощущения на многотонный замок и поклялась себе больше никогда не открывать. Забыть не получилось, но она смогла заглушить все самое раненное и болезненное в себе. Истребила в себе эмпатию и слабость, оставив только вычурную рациональность и холодность рассудка.

А теперь девушка по собственной воле спускается в чертоги сознания, опускается на самое дно океана горя и водоворота эмоций. На нее давят сожаления, они заставляют страдать и медленно угасать. Собственные ошибки пытаются убить свою хозяйку, заставить ее вечно мучаться и давиться собственной кровью с гноем раскаяния.

Перед Киоши возникают силуэты людей, которые всего в десятке шагов от нее и светятся, словно яркие звезды в безоблачную ночь. Образы самых близких и любимых. Они выглядели так, как запомнила их брюнетка. Счастливая улыбка, добродушные искорки в радужке, милейшие ямочки на залегли на щеках. Они настолько настоящие и живые, что... протяни она руку — смогла бы ощутить теплоту их кожи, почувствовать аромат духов, услышать до боли знакомые голоса, что улыбка сама бы озарила ее губы.

Но вместо логичной радости шатенка чувствует, как под ее ребра забираются тонкие изогнутые волной лезвия кинжалов. Они невесомо — даже щекотливо — касаются ее кожи, плавно рассекают ее и неспешно протыкают желудок, печень, разрезают диафрагму, вызывая нехарактерный слабый дискомфорт, будто ткань стягивают в кучу, а потом натягивают обратно.

Затем острое за острием начинают кромсать легкие. Они имеют какой-то крючкообразный наконечник, цепляются за эластичную ткань и размерено начинают распарывать дрожащие от боли органы. Киоши чувствует, как по телу струиться теплая кровь. Она жмуриться, сжимает челюсть от нарастающей глухого дискомфорта, который переходит в нестерпимую резь.

Со временем дышать становится все труднее и труднее, Киоши начинает преследовать острое чувство кислородного голодания. Дыхание становится затяжным, сиплым и обжигающе-сухим. Ее легкие будто заполняются кровью, каждый вдох становится меньше предыдущего, органы провисают под собственным весом, намереваясь в любой момент оторваться с корнем.

Но девушка терпит, погружаясь еще глубже — в поздние сожаления, сокрушения, раскаяния и скорбь. Муки совести грызут ее и так обглоданные кости, Киоши еще отчетливо помнит то сильное чувство, когда ошибки отрывали кусок за куском теплой плоти. До сих пор передергивает от этого эфемерного ощущения, которое все никак не может покинуть воспаленное сознание.

Образы счастливой пары грациозно стали изменяться. Их аккуратные прически превратились в какие-то лохмотья, края лиц покрылись сажей, а мимику исказила ужасная гримаса боли и ярости. Их кожа побагровела и отекала, в некоторых местах покрылась уродскими волдырями с кровавой и гнойно-желтой жидкостью, обуглилась, открывая взору отмерший эпидермис и темные струпы. Их одежда стала медленно возгораться. Воздух нагрелся и стал обжигать легкие, словно они все находятся в горящем помещении без окон.

Они смотрели красными от слез глазами на Киоши, в которых искрились какие-то живые огни, что-то ожесточенно кричали, но их слова доходили с большим опозданием, словно между ними несоизмеримое расстояние. Это чудовищно действовало на психику и вменяемость.

Как ты могла?!

Все из-за тебя!

Если бы не ты, то все было бы по-другому!

И зачем мы только с тобой возились?!

Ты нам так отплатила, да?

Мелкая дрянь!

Голоса были будто нечеловеческие, они словно смешались в один. Фразы были сказаны с разной тональностью, выражением и смыслом. Иногда нельзя было расслышать их обвинение, а иногда закладывало уши от их громкости. Если бы не расстояние между ними, то пара определенно полезла в драку с шатенкой, которая стояла как вкопанная и не понимала, почему все это происходит.

У Киоши начала болеть голова от эффекта, что строил ее воспаленный мозг, хоть она и понимала, что все происходящее не реально. Создавалось четкое ощущение, что визгливые голоса абсолютно везде: то сбоку, то прямо перед лицом, то за спиной. Они сводили с ума своей непостоянностью и резкой сменой положения. Девушка чувствовала, как эти разъяренные люди ее ненавидят. Она сама себя ненавидела.

В нос ударил запах жженных волос и подпаленной кожи. Во рту стоял смрад из дыма и соли. Это сочетание вызывало приступ тошноты, который кареглазая еле смогла подавить в себе. Веки Киоши задрожали, изгрызенные в кровь губы растянулись в тонкую линию. Она сжала как можно сильнее челюсть, чтобы хоть как-то абстрагироваться от людей, которые все приближались и приближались с расправой. Их обожженные до кости руки тянулись к ее шее с единственным намерением.

В их багровых глазах читалось пронзительное безумие и желание убивать. Если бы не расстояние между ними, то слишком живые образы переломали шейные позвонки Киоши. Шатенка давно бы отвернулась от этих хищных взглядов и горящих изнутри лиц, но она будто намертво прикована к созерцанию этих когда-то людей.

Девушке резко стало внезапно страшно до необъяснимого мандража. Ее неожиданно окатил животный страх и какая-то паническая атака, которая заставила тело схватиться спазмом. Он жидким раскалено-холодным металлом заструился по жилам, парализуя все конечности. Все тело обволокло судорогой, мелко начали дрожать руки.

Киоши всеми силами пыталась выбраться из этого параноидального психоза, но ее крепко держит живая тьма — густая, имеющая свой больной рассудок. Она мерзкой змеей обвивает ее

конечности, как зыбучий песок тянет девушку на второе дно, откуда уже никогда не выбраться. Брюнетка просто сгниет там, превратиться в мумию, и это место станет для нее мучительным склепом. Эта мгла не дает хотя бы шанса на спасение, а скинуть с себя эти путы не получается, ведь Киоши будто потеряла связь с телом из-за страха, которые может испытать только настоящая жертва.

Немаг вздрагивает, когда чувствует острую боль в плечах и правой предплечье. Ее кожу словно проткнули чем-то раскаленным и острым. Подняв взгляд на виновников, она встречается с обезображенными образами близких. У них не было глаз, вместо них находились влажные кровотокающие дыры с впалыми веками. Они мертвой хваткой вцепились в ее плоть, повисли всем весом на Киоши, которая от страха не могла даже дышать.

У них отказали ноги — вместо них были обожжённые до черноты кости, но огонь на этом не остановился, он идет дальше вверх, переходя уже на одежду шатенки. Их искривление в крике лица начали гореть изнутри, пузыри с гноем лопнули, эта субстанция потекла по кровавой мышечной структуре, каждую жилку которой смогла рассмотреть Киоши. Потом мышцы начали истончаться, чернеть, образовались плотные темные струпы.

Мы заберем тебя с собой!

Ты будешь гореть!

Сгорать заживо!

Ты не наша дочь!

Ты не достойна жизни!

Умри!

Эти чудовища теперь работали как один слаженный организм, который хотел уничтожить Киоши, свести ее с ума, довести до истерии. Вскоре от их лиц ничего не осталось, только обугленные до кости черные трупы, которые вцепились в кожу девушки до нагнивающих ран. Казалось, они оставили трещины на ее лучевой кости.

Испуганная до белизны лица, она начала чувствовать нарастающий жар. Он исходил буквально из этих висящих трупов. В местах, где кожа соприкасалась с выжженной костью, начало щипать, а потом гореть. Киоши видела, как возгорается пламя на ней, тягуче переходит по телу, уничтожая за собой все эпителии и покровы до толстокорых пузырей и струпов.

Ей было невыносимо больно, крик застыл где-то в районе кадыка, из-за чего дышать было практически невозможно. Причем ее пытался сжечь не только огонь, но и собственная кровь, которая превратилась в какую-то густую магму, что не спеша двигалась по сосудам, заполняя

собой каждую часть тела, поджигая без шанса на спасение.

Киоши хотела выбраться из этого страшного заточения и нестерпимого пекла, которое испепеляло легкие. Она не хотела быть такой же, как те мертвецы с пустыми глазницами и раскрытыми ртами без языков. У нее много обязанностей, не завершенных дел, желаний, которые еще можно исполнить в жизнь. Она не может закончить так.

«Хватит, я не виновата! Я пыталась вас спасти, но ничего не получилось!» — кричала Киоши, пытаясь оторваться от трупов. На нее одну слишком много препятствий — зыбучая дегтевая тьма, обжигающее пламя, желание смириться и не бороться с трудностями... слишком тяжело, невозможно справиться с этим натиском, что продавливает ее, заставляет подчиниться чужой воле.

В теле появляется какая-то слабость, сознание мутнеет. Из нее будто кто-то выкачивает силы, теперь тьма ей по колено, а мертвецы хватаются за надплечья когтистыми кривыми пальцами и пытаются утопить, порвать ей лицо. В сердце начало закрадываться серьезное сомнение. Может... ей действительно смириться? Отпустить ситуацию и сгнуться в небытие? Не будет проблем, не будет тех удушающих каждый день сожалений, вечных бессонниц и страха перед завтрашним днем...

«Я не могу умереть!» — снова, намного увереннее, крикнула Киоши, вспоминая, что на ее плечах судьба Джана, малыша, который не должен страдать из-за ошибок взрослого поколения. Она начала вырываться сильнее, преодолевая нестерпимую боль, пусть ее кожа уже стала онемевшей коркой, Киоши продолжала чувствовать боль, будто огонь только-только начал сжигать. — «Я буду жить!»

Только Киоши хотела скинуть с себя этот отвратительный груз, как неожиданно за ее лицо больно хватается костлявыми руками сожженный мертвец, он разворачивает Киоши к себе, выворачивая голову на двести семьдесят градусов и заставляя девушку в ужасе взглянуть в его пустые глазницы без век и бровей.

Ты не достойна прощения за такую наглость!

Эта фраза раздается в ее голове оглушительным набатом. Из рта трупа идет сильный поток огня, который опалает все ее лицо и полностью ослепляет. Девушка глохнет от собственного неистового крика. Эту адскую боль нереально вытерпеть, хочется кататься в агонии по полу, пытаясь хоть как-то потушить горящее лицо и ключицы...

Но вместо этого Киоши вскакивает с лежанки, как ужаленная, хватается за лицо, пытаясь потушить его, и продолжает орать. Фантомная боль не проходила несколько самых мучительных секунд в ее жизни, мозг пока еще продолжал думать, что тело горит. Он требовал, чтобы девушка как можно быстрее потушила чертов огонь.

Киоши начала рвано и сипло дышать, прогоняя отвратительное наваждение. Сердце готово либо разбиться о грудную клетку, либо выломать до мелкой щепки ребра. Все ее тело

продолжало дрожать от пережитого ужаса.

Все это ведение казалось таким реальным, что девушка усомнилась в собственной вменяемости и самообладании. Она взглянула на чистые ладони и опустила взгляд к предплечьям. Правая часть руки была с привычным ожогом-шрамом на потемневшей и отвердевшей кривыми корками коже. Переводит беглый взгляд на ноги и облегченно выдыхает, там не было никаких ожогов.

Киоши опустошенно и измученно прячет лицо в руках, ощущая испорченную пламенем кожу. Кажется, у нее поднялась температура из-за всей этой процедуры по восстановлению какой-то забытой памяти. Тело еще брал легкий мандраж, девушка пыталась приди в себя после мини стихийного бедствия. Она не могла понять, почему вдруг ее сознание нарисовало такой ужас. Все же не так критично, да и половина из увиденного неправда... По крайней мере, Киоши пытается себя в этому убедить.

Этот кошмар ее никогда не отпустит.

— Ты чего? — удивляется младшая, наградив Киоши обеспокоенным взглядом.

Девушка из Царства Земли слишком резко оборачивается, заставив мага воды невольно вздрогнуть. Оценив голубоглазую нечитабельным взглядом, шатенка поспешила смахнуть выступившие слезы. Слишком все это было реальным по ощущениям.

— Нет, ничего, — качнула головой высокая, мысленно удивившись сиплому голосу. Неужели он стал таким из-за перенапряжения? — Все по-старому.

По девушке из Водного Племена было видно, что она хотела что-то сказать, но либо у нее слова нужные не находились, либо состояние пациентки не позволяло.

Гражданка Земли сглатывает, встает на ноги и ощущает легкую тошноту, головокружение и ватность ног. Премерзкое чувство, от которого поскорей хотелось избавиться.

Она уходит в храм, забирая Джана с собой. Сейчас Киоши требуется побыть наедине с собственными мыслями, собраться, попытаться понять значение этих жутких видений большого разума, отдохнуть от всплывшего кошмара, который почти каждый день всплывает в памяти без каких-либо объяснений.

— Если нужно, то мы можем потом продолжить! — неуверенно крикнула вслед Катара, до последнего сомневаясь в правильности слов.

Киоши останавливается и поворачивается полубоком, демонстрируя части команды красные от слез глаза и дрожащие губы. Она через силу улыбается, сглатывая тягучий ком, а после окончательно уходит в личную комнату.

Оставшиеся ребята стояли несколько секунд молча, переваривая только что увиденную сцену. Сокка взглянул на младшую сестру, которая прижала кулаки к груди. Так она делала только когда сильно сомневалась и сожалела о чем-либо. Какая она, все-таки, нежная.

— Не бери в голову, — похлопал по плечу сестру, стараясь снять с нее эту лишнюю ношу. — Это не ты плохой маг.

— Знаю, но... — тихо замолчала на половине фразы темноволосая. Она взглянула на свои руки, а потом перевела взгляд в сторону, куда ушла Киоши с ребенком. — Что же она такое увидела, что даже я почувствовала ее боль?

— Явно не прогулку по луговым цветочкам, — заметила Тоф, прочищая уши от оставшегося в них звона.

Киоши прячется в своей комнате, учащенно дыша, чтобы не завывать в голос. Вина смешалась с болью в коктейле яда, который она залпом выпила и подавилась. Связки натягиваются, опора — рельефная стена, по которой она скатывается к самому дну, чтобы по-детски сжаться. Рыдает почти беззвучно, только изредка проклевываются отчаянные всхлипы.

Вспоминает, как переживала то злосчастное событие, навечно перевернувшее прежний уклад жизни. Ситуация повторилась, как с Зуко... вот только никто ее родителей не спас. Вновь она возвращалась домой, вдалеке видя от него опасный черный дым. Бежит быстрее ускоренного сердцебиения, кровь в ушах затмевала собственные панические мысли.

Киоши не знала, за что братья. Горело все! Все здания и скот! Из врагов никого не было, они прошли огненным торнадо и просто все уничтожили. Страх — как новая энергия жизни, что заменила кровь. Единственная разумная цель из всего того эмоционального хаоса — найти семью. Она не могла погибнуть! Не могли ее оставить одну!

Поиски не были долгими. Обожженная рука с кольцом торчала из-под огненного завала. Часть плоти уже была обожжена в черноту, голодное пламя пробирается дальше, стараясь сожрать полностью. От паники сразу не приходит осознание, кто это, но когда приходит, то мир в один миг рухнул, разбился на кривые руины. Мама...

Не верит! Не может! Все не так! Все неправда! Все ложь воспаленного рассудка! Киоши не боится обжечься, теперь страх огня ушел на второй план, ведь ей нужно разобрать горящие балки, чтобы достать маму. Она жива! Она должна быть жива! Ее просто не слышно из-за шума! Да, да, именно так и никак иначе!

Боль от ожогов на ладонях не чувствуется совершенно, словно они омертвели. Но вместо родительницы она видит голый труп, что покрыт влажными язвами и черными дырами. Лица человека не распознать. Глаза лопнули от температуры и вытекли из алых глазниц, волос больше не существовало на обожжённой черепушке, как и ушей.

Это не ее мама... Это не она! Молоточки стучат по голове, трезвоня о нерушимой истине. Единственное, что можно было разобрать и распознать, так это вытянутую к свободе руку. Женщина, которую с трудом можно распознать, пыталась выбраться, поза ее скукоженного тела говорит об этом. Она просто запеклась под этой грудой. Приготовилась, как картофель в мундире... от собственных мыслей дурнеет.

Хочется кинуться и вытащить тело. От паники мозг все еще считает, что можно что-то сделать, но Киоши понимает, что все кончено. Нужно найти остальных! Нельзя медлить, иначе их ждет та же участь! Она не может позволить этому случиться! Бежит дальше меж горящих построек, сканирует мутным от слез взглядом.

Видит отца. Кровоточащего, но живого. Живого! Радости нет предела, внутри вновь зажглась жизнь. Падает к нему на колени, задает миллион вопросов, туша загоревшуюся одежду, не жалея рук. Он тоже был в серьезных ожога и с глубокими ранами, тяжело дышит и тихо говорит. Мужчина не отвечает ни на один — или она толком не запоминает — он приказывает забрать Джанджи, что был спрятан в подвале.

Девушка без задней мысли бросается в самое пекло горящего здания, задыхаясь от дыма, что щипал глаза. Она знала, где это место находится, оно было заранее подготовлено в случае серьезного нападения, но они должны были всей семьей там спрятаться и ждать!

В огненной гуще и общей разрухе до ушей доноситься плачь, знакомый и необходимый до боли. Окровавленными руками почти без внешнего слоя кожи она хватается ребенка, крепко прижимая к себе, закрывая его нос, чтобы не задохнулся. Как они выбрались ей до сих пор не известно, все было как в тумане, густом и непроходимом киселе. Слишком быстро и мимолетно, хотя было стойкое ощущение, что время специально замедлялось, чтобы посмеяться над несчастной.

Она вновь прибегает к отцу, что находился на смертном одре. Кричит из-за звона в голове. Кричит, что спасет его — он умоляет бежать, она говорит, что они вместе справятся — он говорит, что времени больше нет, она умоляет не оставлять ее — он кричит, что нужно ей жить дальше с Джанджи. Скандал и ссора даже в такой ситуации, рыдают все трое выживших... а после — только двое.

Не спасла, не успела, мысленно погибла вместе с отцом, который более не услышал ее мольб, истерик и ненависти. Она ничего не успела у него толком спросить, ничего не успела высказать, не успела вызволить из огненных объятий. Киоши утонула у крови, чужой и собственной, запах гари и дыма впитала не только одежда, но и кожа. Киоши хватается за брата, как за тонко-стальную тростинку, за последнее, ради чего еще стоит жить и бороться, потому что он без нее не выживет.

Дальше были выпад в сознании. Киоши помнит лишь урывками, как прибежали соседи тушить. Предатели, они это сделали только когда пламя перешло на другие здания! Бумажная волокита и наследование, похороны обугленного и мясистого труп. Брюнетка уверена, что тогда похоронила себя вместе с ними, с этими белыми цветами, прямо рядом.

Пропали краски, они смылись слезами, пропали звуки, что исчезли вместе с голосом от громких истерик. Ее окружили жалостью, пониманием и поддержкой, но они сделали только хуже, они лишь доказывали, что все случившееся — не затянувшийся кошмар. Сквозь сожаления и сочувствие Киоши слышала насмешки, они толкали ее в бездну, они врали ей в лицо, они ее ненавидели.

Началась реставрация того, что можно было вернуть. Жаль, что не людей, не чувства, не жизнь! Осознание накатило на Киоши, она поняла, что все разваливается — она разваливается! Все потеряно, руки, что больше напоминали свежее мясо, находились в бинтах как минимум недели три, пока не восстановились окончательно. Благо, кожа на руках сильнее, прочнее и толще, потому ожоги не остались.

— Не плачь, — раздаётся детский голос, что вырывает из воспоминаний-вспышек. Киоши выходит из своих искорок несчастий, поднимая голову к брату, что гладил ее по волосам, как маленькую. Она помнила все это, потому что Джан был рядом, с ним ей приходилось быть сильнее, потому что ему нужна больше поддержка, чем ей. — Мама, все хорошо, — он говорил теми же словами, что и она...

Джанджи дает свою самую любимую игрушку, чтобы успокоить «маму». Она всегда его раньше успокаивала, игрушка уж точно должна помочь. И Киоши принимает ее. Она старается улыбнуться. Хотя бы настоящему, но выходит лживо-натянuto, отчего вновь в груди появляется прмерзкая слякоть, которая осела в душе, вызывая новую порцию слез.

— Я так устала... — захныкала брюнетка, распадаясь на атомы от травящих воспоминаний.

Она чувствовала себя виноватой перед родными, которых не уберегла. Она чувствует, как энергия и весь энтузиазм покидают ее тело. Возвращается старая Киоши, струсиха и потеряшка в собственных мыслях. Образы родителей возвращались в самых жутких кошмарах, они осуждали ее, они ненавидели ее. И были полностью правы, немаг не справилась со своей задачей.

К ужину не приходит ни Зуко, ни Киоши, что беспокоит команду. Особенно Катару, которая чувствовала свою вину в состоянии знакомой. Вина крутилась волчком в черепушке, нашептывая стихи сожалений.

— Я пойду за Киоши, — заявила девушка, беря тарелку с ужином.

— А я — за Зуко, — последовал ее примеру Аанг.

Целительница перевела на него нечитабельный взгляд. Ей хотелось остановить друга, чтобы тот не приближался к Зуко в одиночку. Вдруг этот прохиндей специально делает из себя жертву, чтобы напасть в самый неожиданный момент? Несмотря на свое огромное желание остановить Повелителя стихий, смуглянка устало выдыхает, вновь продолжив путь. Кажется,

это не ее дело. Аанг взрослый, он должен сам выстраивать свои отношения с Зуко.

— Одни нытики пошли успокаивать других, — подытожила Тоф.

— И не говори, — лениво согласился с ней немаг, смотря на удаляющиеся фигуры.

Катара зашла в комнату к Киоши со стуком, потому что не услышала ответа. Зайдя, южанка встречается с девушкой, у которой воспаленные глаза. Она сидела, обнимая сына, целуя его темную макушку.

— Я... принесла еды, — неуверенно произнесла магесса, поставив еду на стол, что также создала Тоф. Киоши молча кивает в благодарность. — Ты... прости, если я сделала только хуже.

— Что ты, ты тут совсем не причастна, — качнула головой брюнетка, хотя это была не совсем правда. Ей не хотелось портить отношения с этим подростком, который все еще лечил ее брат. — Это мое прошлое меня порой нагоняет.

— Понимаю, — присела рядом шатенка после разрешения. — Я сама очень давно потеряла маму, — она коснулась своего ожерелья. — Но я тогда была маленькой и толком ничего не помню. Мне даже страшно представить, какого тебе.

— Да, я потеряла всех за одно мгновение, — невесело улыбнулась Киоши, сглатывая ком слез. Она сильнее прижалась к брату, что должен был ей помочь. — Буквально недавно, раны слишком открыты. Но я живу ради Джана, потому что больше не для кого, — она почти уверена, что если бы не он, то она бы бросилась в огонь, чтобы больше не проснуться.

— Твои близкие этого не хотели бы, — произносит очевидную фразу Катара, чтобы поддержать. Конечно, не хотели бы... если бы были живы! А теперь ничего не имеет значения!

— Знаю, — признается брюнетка, вновь глотая тихие слезы. Скромный всхлипы давили на голову. Завтра она точно будет вся опухшая, не сможет даже глаза открыть.

У собеседницы от такого вида разрывается сердце. Южанка кладет руку на ее плечо и предлагает обняться. И, несмотря на то, что они знакомы от силы сутки, Киоши соглашается. Просто потому, что хочется побыть слабой, оказаться в чьих-то поддерживающих объятьях. Вновь не быть одной, вновь создать иллюзию, что все хорошо, чтобы поверить в нее и жить дальше.

— Давай я полечу Джанджи? — предложила Катара, чтобы сменить угнетающую обстановку, когда мальчик опять стал кашлять. — А ты пока поешь.

Брюнетка соглашается, шмыгая носом. Она почти успокоилась и стыд накатил с новой силой. Разрыдалась, как ребенок, да и еще при постороннем! Такая слабость, она почти расплавилась

в ее гибких руках, ужас! Это путешествие совсем выбило ее из колеи.

— Прости, за то, что тебе пришлось лицезреть, — заявила немагесса, ужиная. Она смотрела как целебная вода проникает под кожу Джана.

— Чувства — это не слабость, — заявила Катара. — Это то, что делает нас людьми, — Киоши невольно соглашается с ней.

У Аанга ситуация была несколько иная. Зуко был откровенно в негодовании, от него почти дым шел.

— Зуко, прости Сокку с Катарой, — произносит лысый, прочистив горло. — Они не со зла.

— Знаю все прекрасно, — раздраженно ответил шатен. Он не был дураком, чтобы сложить два и два. Он недавно только пришел в команду, которой сделал много всякого дерьма, так что глупо было бы ожидать какой-то другой реакции. — Обо мне они могут говорить все, что только заблагорассудится. Пусть используют хоть весь свой словарный запас на мне, я и не такое переживал, — он повернулся к монаху, что стоял в проходе. — Но чтобы мою погибшую сестру, чью память я храню под сердцем — или тем, что от него осталось — не трогали даже пальцем. Она совершенно не виновата в том, что происходит здесь и сейчас.

— Что произошло с твоей сестрой? — Аанг решил раскрыть Зуко, как раковину. Узнать о нем больше. Подросток ранее никогда не слышал о ней, Зуко только упоминал свою младшую сестру. Парень так рьяно ее защищает...

Маг огня не хотел рассказывать и ворошить все, кочевник тоже это понимал. Зуко понимал, что своим молчанием только подогревает недоверие к своей персоне.

— Я не готов пока рассказывать все, — признался одноглазый. — Но скажу, что в ее смерти всецело виноват я.

— Но как?

— Она отдала свою жизнь в обмен на мою, — скрестил руки изгнанник, помрачнев. Хотя бы за это он никогда не простит своего отца и всех тех, кто был за него в тот момент. — А я не смог достойно ее прожить, чтобы ее гибель не стала напрасной.

Зуко больше не сможет забыть ту пустоту, что звенела в его теле, когда он вернулся к себе после похорон — сожжения — сестры. Он вернулся в пустую комнату, стены которой давили на него. Он задыхался от чувств, от вины, ведь так и не успел извиниться. Он столько ей наговорил до этого! Теперь некому выплакаться, теперь никто не поможет.

Он, ребенок, будет жить с этими позором и всепоглощающей виной до последнего вдоха. Даже на смертном одре он вспомнит о ней, о ее словах, объятьях, улыбке. Вспомнит, как она его всегда оберегала и поддерживала, а он отвернулся, сбежал... но никогда не забывал, ни на один миг. Ее образ был кошмаром и мечтой, несбывшейся и мстящей. Только там он мог общаться с ней и получать заслуженное осуждение.

Азула врывается в его комнату без спроса. Она вся заплаканная и потерянная. Как только ее глаза встречаются с его, девчонка набрасывается, атакуя рыжим огнем.

— Ты! — заверещала она зверем, пока Зуко еле уклонялся от атак. — Ты убил ее!

— Я не хотел! — вскрикнул мальчик, в которого полетели разные вещи. Он впервые видел младшую сестру рыдающей. Обычно Азула никогда не плакала, по крайней мере не при нем.

Из-за неожиданной атаки средний — а теперь первый! — ребенок падает, что ловко берет в оборот магесса огня, набросившись на брата и начав того душить. Ему не забыть ее безумного взгляда, ее чистой ярости и будоражащей ненависти. Скинуть с себя не мог из-за ее цепкой хватки, из-под которой выходил дым. Зуко не знал из-за чего плачет: из-за потери или боли.

— Ты мерзкий убийца! На твоих руках кровь моей сестры! — рычала Азула не своим голосом. — Тебе матери было мало?! Почему ты у меня все забрал?! Убийца! Убийца! Мерзкий убийца, ненавижу! — она дергала его за волосы, больно и неистово, била горячими кулаками. Каждым словом она забивала гвоздь в крышку гроба, вела брата к ментальному уничтожению.

Прибежали испуганные служанки, что пытались оторвать сестру от брата, но Азула вырывалась, выкрикивала проклятья в напуганного Зуко, словно все ее спящие демоны вырвались наружу.

— Ты будешь мечтать умереть! — рявкнула она. — И поверь, я тебя самолично испепелю до жалкого праха! Того самого, в который превратилась моя сестра! Та единственная, что любила меня! — брюнетка обжигала конечности и платья служанкам, чтобы подбежать к брату и продолжить его душить. — Я заберу у тебя все! Все, что ты любишь и что тебе дорого! Ты останешься один, никому не нужный и брошенный! Сгоришь от собственной никчемности, твои ошибки сожрут тебя! Я буду твоим кошмаром наяву!

С того момента его хорошие отношения с Азулой дали трещину. Они больше не стали прежними. Каждый затаил злобу друг на друга. Девчонка, сдержав обещание, жила мстью, она упорно тренировалась, сделав свое пламя синим, стала самым молодым метателем молний.. и все для того, чтобы свергнуть Зуко, избавиться от него, отомстить за сестру. И у нее это получилось, ее брат сломался.

Он чувствовал холод в остатках семьи, отчего он часто пропускал семейные обеды. Там он был лишним. Его ненавидели — он сам себя ненавидел. Зуко кидался на служанок, которые разбирали комнату его сестры, он не мог позволить их уничтожить память о ней. Ее комната была единственной отдушиной, она ранила воспоминания о ночных посиделках, когда сестра

рассказывала древние легенды.

С того момента все повалилось из рук, он чувствовал себя лишним в этом мире, потому что был никому не нужен. Однако Айро взял себе на попечение, восстановил потоки ци, чтобы магия вновь вернулась в стабильность. Два одиночества, что были потеряны в собственной реальности.

— И я жив только из-за ее жертвы, — вырвался из воспоминаний шатен, что множество раз за жизнь думал о том, чтобы завершить ее. Страх не было, однако образ сестры всегда был рядом, незримый и эфемерный, но невероятно сильный. Она запрещала — он слушался, она умоляла — он выполнял. — Мне ничего не нужно в этом мире.

— Зуко... — монах не знал, что сказать. Он никогда не думал, что маг огня столько скрывает в своей мятежной душе.

— Ладно, я спать, — оборвал диалог парень, ложась на постель спиной к гостю, давая понять, что не намерен общаться. — Слишком много случилось за несколько дней. Спокойной ночи.

— Я хотел сказать, что не против... начать заниматься огнем, — голос сероглазого соскочил, потому что он понял, что сейчас лучше было промолчать. — Конечно, ты не обязан сразу, нужна адаптация и...

— Завтра, — обрезает его одноглазый. — С завтрашнего дня начнем. Я хочу, чтобы ты уничтожил моего отца, поэтому помогаю.

Тишина ознаменовывает окончание общения. Аанг, вздохнув, желает спокойной ночи и уходит с неприятным осадком. Он обязательно поговорит с друзьями, чтобы те немного умили свою праведную ненависть. Зуко же жмуриться, чтобы слезы не вытекли, но именно это и происходит. Не простит себя, даже когда свергнет отца и его диктатуру. Ему не нужен этот трон, ему он никогда не принадлежал. Уж лучше б он тогда погиб, а она была все той же любимицей отца и гордостью страны...

<http://tl.rulate.ru/book/100990/3463555>